

Время летело неумолимо. Не успели оглянуться, как наступил май. В Шэньчжэне вовсю заявляло о себе лето: удушливый зной то и дело сменялся яростными грозами и шквалистым ветром.

Ли Шэнъань крутился в привычном водовороте забот. В его собственной жизни мало что менялось, зато от близких то и дело приходили новости.

Отец чувствовал себя намного лучше — старые хвори наконец отступили, и он не переставал хвалить пантовое вино, которое прислал Лу Чжаньбай. Средство и впрямь оказалось чудодейственным. На старом участке уже провели разметку, снос дома был делом ближайшего времени, хотя компенсацию обещали выплатить не раньше зимы. Отец вместе со вторым и третьим дядей планировали без промедления начать строительство. Новое жилье возводилось по единому проекту: типовая планировка, одинаковая площадь — словом, настоящая городская жизнь на пороге. Шэнъань искренне радовался за них. Он настоятельно просил отца поберечь силы и переложить все заботы на плечи опытного прораба. При первой же возможности он обещал выкроить время и приехать, чтобы взглянуть на стройку. Тот с радостью согласился.

В том же разговоре отец упомянул, что второму и третьему дядьям катастрофически не хватает денег на строительство, и спросил, нет ли у Шэнъаня возможности помочь им займы. Думая о родственниках, Шэнъань невольно вздохнул. Эти двое были родными братьями друг другу, но его отцу приходились лишь единоутробными.

История их семьи была полна горьких страниц. В голодные годы родной дед Шэнъаня, пытаясь спастись от истощения, сорвал на чужом поле несколько початков кукурузы. Его поймали и выставили на всеобщий позор — устроили показательное судилище на помосте перед всей производственной бригадой. В те времена понятия о чести и достоинстве были не пустым звуком. Вернувшись домой, дед не вынес унижения и через несколько дней наложил на себя руки. Овдовевшая бабушка осталась одна с маленьким сыном — отцом Шэнъаня. Выживать было невыносимо тяжело, и вскоре она приняла в дом крестьянина из глухой провинции. Хотя их деревня и считалась глухоманью, она находилась на самой окраине уездного города, так что приезжие охотно шли туда в примак. Бабушка прожила со вторым мужем — дедом, которого Шэнъань видел лишь однажды, — около семи лет, успев родить второго и третьего дядю. Однако новый супруг оказался беспробудным пьяницей и дебоширом. В конце концов она с ним развелась, и тот забрал сыновей с собой в деревню. Шэнъань узнал о существовании этих дядьев и второго деда, только когда ему самому перевалило за девять.

Жизнь братьев в деревне была беспросветной. Когда Шэнъаню исполнилось двенадцать, второй дядя, устав бороться с нищетой, пришел к старшему брату со слезами на глазах, умоляя помочь переписать его обратно и восстановить местную прописку. Отец к тому времени страдал от глубокого одиночества. Бабушка ушла из жизни еще до рождения Шэнъаня, а мать умерла, едва мальчику исполнилось четыре года. Он растил сына в одиночку, не имея рядом ни единой родной души. Увидев, в каком бедственном положении оказался младший брат, он загорелся желанием помочь и начал ежедневно обивать пороги сельсовета. Переоформить прописку в те годы для простого работяги казалось задачей почти невыполнимой, но упрямство отца сломило сопротивление местных чиновников. В конце концов они сдались и

дали добро на возвращение второго дяди.

Так второй дядя со всем своим скарбом, женой и маленьким сыном Ду Чэнем, которому не исполнилось и десяти, вошел в их жизнь. Чтобы разместить родственников, отец безвозмездно уступил им старый семейный дом и отдал часть земельного надела, а сам перебрался к арендованному пруду, где на скорую руку сколотил две утлые лачуги. Через два года о своем возвращении заявил и третий дядя. Он был еще молод и холост, но отличался редким легкомыслием и нежеланием работать. Он снова пошел проторенной дорожкой: выхлопотал прописку, и отец отдал ему едва обжитые лачуги у пруда, а сам вместе с сыном ушел на другой берег водоема, чтобы выстроить новые временные хижины. Местное начальство не раз грозилось снести этот самострой, но, видя, как тяжело отцу в одиночку растить ребенка, чиновники махнули рукой. В этих неказистых постройках у самой воды, ставших их домом со времен средней школы, они с отцом живут и по сей день.

Что касается отца второго и третьего дяди — того непутевого деда, которого Шэнъянь почти не помнил, — он по какой-то причине так и остался в деревне. Лишь незадолго до окончания Шэнъянем старшей школы, вернувшись однажды домой, парень обомлел: у ворот гремели траурные гонги, а родственники стояли в белых одеждах. Выяснилось, что старик скончался. Тело пролежало в запертом доме несколько дней, пока соседи не забили тревогу из-за невыносимого запаха. В деревне хоронить его было уже негде, поэтому второй дядя под покровом ночи перевез останки, наспех организовал похороны и предал прах земле на родовом кладбище Ли.

Прошли годы, но жизнь родственников едва ли стала краше. Второй дядя перебивался урожаями с крошечного надела да редкими подработками на стройках. Денег вечно не хватало, ведь нужно было кормить семью. Вторая тетя целыми днями пропадала за маджонгом, спуская последние гроши, а двоюродному брату требовалось платить за учебу. Третий дядя остепенился лишь к тридцати пяти годам, женился, и сейчас его первенец все еще лежал в колыбели, а за душой у новоиспеченного отца не было ни гроша. Когда земли их деревни пошли под застройку, отец Шэнъяня без колебаний отдал братьям всю причитающуюся ему компенсацию за пахотные земли, решив оставить себе лишь выплату за старый дом. Хотя за дом полагалось больше, у дядьев никогда не было собственного угла, и поднять новые коттеджи на скромные государственные субсидии им было не под силу.

Шэнъянь проверил баланс на карте. Свободных средств у него оставалось немного — компании требовался постоянный оборотный капитал, — но он все же перевел отцу сто тысяч юаней. Эта сумма должна была хоть немного облегчить семье финансовое бремя.

Тем временем Лу Чжаньбай фактически заделался бесплатным волонтером в его фирме. Он приезжал в офис минута в минуту, уходил вместе со всеми и целыми днями с явным удовольствием трудился бок о бок с рабочими на сборочной линии, утирая пот со лба. В выходные Чжаньбай неизменно тащил друга гулять. Они исколесили Шэньчжэнь вдоль и поперек, побывав в таких потаенных уголках, о существовании которых Шэнъянь, проживший здесь столько лет, даже не подозревал. Вскоре он упомянул, что близится его день рождения, и позвал Шэнъяня с Сяотянем отпраздновать это событие у него дома. Если остальные согласились без лишних раздумий, то Шэнъянь долго колебался, прежде чем неохотно кивнуть.

У Лу Чжаньлань после возвращения из Пекина карьера тоже складывалась удачно — она устроилась в шэньчжэньскую таможню. Весной она с гордостью показывала ему свое новое место работы. Они много времени проводили вместе: гуляли в парках, запускали воздушных змеев, без конца фотографировались и делали забавные моментальные снимки в фотобудках. Эти светлые дни оставили глубокий след в его душе. Однажды Чжаньлань достала подаренную им деревянную фигурку и попросила вырезать на ней его собственное лицо. Шэнъань долго не решался, но в конце концов уступил. Увидев обновленную работу, девушка обрадовалась как дитя, закружилась на месте и, не таясь, призналась ему в чувствах, предложив начать встречаться. Он промолчал, не зная, что ответить. Она не стала настаивать, лишь мягко улыбнулась и сказала, что готова ждать столько, сколько потребуется.

Совершенно неожиданно Лю Хао заявил, что хочет взяться за ум и освоить какую-нибудь полезную специальность. Шэнъань только диву давался: неужто ветреный парень наконец повзрослел? Выяснилось, однако, что подоплека банальна: он влюбился, но избранница отвергла его ухаживания, прямо заявив, что ей не нужен неуч без гроша в кармане и перспектив в жизни. Это задело его за живое. Шэнъань поначалу разразился гневной тирадой, обозвав его порыв сиюминутной прихотью, но затем сменил гнев на милость. Если он действительно решил учиться, он был готов поддержать его всеми силами. Главное — направить эту эмоциональную вспышку в нужное русло, помочь искоренить старые привычки и делом доказать серьезность намерений.

Мэриан в ходе жестоких криминальных разборок получила ранение, но своего добилась — заняла вожделенный трон, превратившись в полноправную главу синдиката. Шэнъань радовался ее победе, но в то же время не мог избавиться от тревоги. В бандах власть зыбка: сегодня ты на вершине, завтра — на кладбище. Сколько она продержится на этом месте? Каким бы сильным ни казался ее характер, она оставалась женщиной, и плата за право называться железной леди могла оказаться непомерно высокой. Ему оставалось лишь мысленно желать ей уцелеть в этой мясорубке и сохранить остатки человеческого тепла.

Несколько дней назад раздался звонок из Чунцина — звонила его младшая двоюродная сестра Сяо Мэн, единственная дочь тети Сяо. Она сообщила, что собирается поступать в один из университетов Гуанчжоу и вскоре окажется совсем близко к нему. Шэнъань на мгновение оцепенел. Малышка Мэн-мэн, которая, казалось, еще вчера с плачем бегала за ним хвостиком, уже оканчивала школу. Ей исполнилось восемнадцать — совсем взрослая. Время утекало сквозь пальцы. Они не виделись лет шесть, с того самого страшного зимнего дня, когда он устроил скандал у гроба тети Сяо, обвиняя всех вокруг. После похорон семья дяди спешно распродала имущество и уехала вести дела в Чунцин, а сам Шэнъань ввязался в драку, вылетел из университета и подался на юг. Но память о тете Сяо и привязанность к младшей двоюродной сестре по-прежнему оставались самыми чистыми и глубокими чувствами в его сердце.

При воспоминании о покойной тете Шэнъаня сперло в горле, а на глаза навернулись слезы. Судьба этой женщины была соткана из страданий. Младшая сестра его матери в юности покинула родную горную деревушку и устроилась на швейную фабрику в уездном центре, поначалу подолгу живя в их доме. Там она познакомилась с парнем — выпускником школы, которому не хватило пары баллов для поступления в институт. Закрутился роман, сыграли свадьбу. Всем казалось, что впереди их ждет благополучная жизнь, но за два года брака тетя Сяо так и не смогла забеременеть. Под давлением пересудов она отправилась к врачам. Те в

один голос твердили: женщина абсолютно здорова, проблема в муже. Когда тетя завела об этом разговор дома, супруг наотрез отказался идти в больницу. Лишь под грузом ее мольб и упреков он признался, что в юности перенес тяжелую операцию на почках и навсегда остался бесплодным. И за все годы знакомства он не обмолвился об этом ни единым словом.

Предательство мужа подкосило тетю Сяо, однако в то время разводы осуждались обществом, к тому же она была простой, традиционной женщиной без образования. Она смирилась. Спустя время они удочерили крошечную девочку-сироту — Сяо Мэн. Жили скромно, возделывали огород. Муж возился на грядках, а тетя задолго до рассвета собирала овощи, грузила их на тележку и везла продавать на городской рынок. Так пролетело больше десяти лет. Дела шли неплохо, к тому же грамотный муж устроился сельским электриком, так что семья не бедствовала. Но сытая жизнь принесла новые беды. Через год после того, как Шэнъянь уехал на учебу в Пекин, до него дошли слухи: дядя сошелся с односельчанкой, муж которой уехал на заработки. Он перестал ночевать дома, а вскоре и вовсе обнаглел до того, что начал приводить любовницу в семейный дом, не обращая внимания на пересуды и уговоры родственников.

Тетя Сяо исходила слезами, несколько раз пыталась наложить на себя руки. Узнав об этом, Шэнъянь на новогодние праздники примчался из Пекина, чтобы утешить ее. Он и подумать не мог, что эта встреча окажется последней в их земной жизни, а дальше будут лишь сны. Тетя тогда впервые за много лет осталась ночевать в его тесной каморке у пруда и долго, до глубокой ночи, говорила с ним. Кое-что со временем стерлось из памяти, но некоторые ее слова врезались в душу навечно. Перед самым Праздником весны, когда Шэнъянь подрабатывал в ресторанчике возле общежития, раздался звонок от отца. Голос в трубке глухо произнес: «Тетя Сяо покончила с собой». Мир рухнул. Внутри образовалась ледяная пустота, а слезы хлынули безудержным потоком.

Он бросил все и помчался на похороны. Когда он ворвался во двор, гроб уже собирались везти в крематорий. Шэнъянь рухнул на лакированную крышку, содрогаясь от дикого, нечеловеческого воя. Парень кричал так, что, казалось, расколется небо и зарыдают сами камни. Прямо в сугробах он мертвой хваткой вцепился в края гроба, не давая сдвинуть его с места. Царапал дерево до крови, разбивал лоб о мерзлую землю, умоляя ее вернуться. Он отчаянно пытался удержать ту единственную, которая любила его всем сердцем, верила в него и оберегала как родного сына. Без нее он чувствовал себя брошенным на растерзание холодному миру.

Прошлое кружилось в вихре январского снегопада, отражаясь на черной лакированной поверхности.

Когда в детстве мальчишки дразнили его тем, что он остался без матери, а он с плачем прятался в женском туалете — вызволяла и утешала его она.

Когда в начальных классах сверстники столкнули его в глубокий овраг, и он сломал ноги так, что из ран торчали белые осколки костей — на руках из этой ямы его вынесла она.

Когда в средней школе за плохие оценки разъяренный отец избил его табуреткой до полусмерти, так что мальчик не мог пошевелиться — подняла его на руки и утешила она.

В старших классах, когда он жил у нее, она окружила его почти материнской заботой. Будила по утрам, следила, чтобы он сытно ел, покупала обновки. Каждой ночью, в лютый мороз и летний зной, она допоздна сидела на кухне, поджидая его со свежим ужином. Перед выпускными экзаменами именно она вселяла в него веру в собственные силы, а когда он уехал в столицу, заклинала идти к своей мечте вопреки всему.

И теперь она ушла, оставив его в абсолютной темноте.

«Неужели жизнь действительно настолько невыносима?

Неужели смерть — единственный выход из этого тупика?

Почему тебе не хватило капли мужества?

Почему ты забыла обо всех моих обещаниях?»

Он ведь клялся построить для нее огромный, светлый дом. Обещал приехать за ней на самой роскошной машине, какую только можно купить за деньги. Мечтал показать ей огромный мир, забрать из этой уездной глуши, провести по самым красивым уголкам земли.

«Почему ты все это перечеркнула?

Почему не захотела вспомнить?

Неужели нельзя было найти хотя бы одну зацепку, чтобы остаться? Пусть даже самый глупый, ничтожный предлог...»

Она ушла, забрав с собой не просто жизнь, а единственную бескорыстную любовь, которая связывала его с этим миром. Она вырвала его сердце — то самое, что заставляло его бороться, стремиться вперед, не сгибаться под ударами судьбы.

«Без тебя мне незачем идти дальше. Без тебя я боюсь поддаться собственной слабости.

Чего стоят все мои победы, если я не могу разделить их с тобой?

Куда бы я ни дошел, ты этого уже не увидишь.

В чем смысл такой жизни? Ради чего мне пробивать лбом стены?»

Ответа не было. Лишь глухое молчание.

«Поэтому я сдался.

Поэтому я выбрал дорогу в никуда».

<http://bllate.org/book/18227/1760735>